

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М. Исоахо

ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ И «СЫНОВЕ ИЗМАИЛЕВИ»: АПОКАЛИПСИС В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»¹

В предлагаемой статье летописный свод «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) рассматривается как универсальная хроника, для которой характерно типологическое (прообразовательное) прочтение священных текстов. Хроника связывает воедино мировую историю и историю Киевской Руси, особенно подчеркивая связь Руси и христианства. В центре нашего внимания влияние эсхатологической картины мира, отраженной в тексте «Откровения Псевдо-Мефодия», на ПВЛ. Особенно нас интересует, как типологическое сопоставление половцев с измаильтянами функционирует в более широком историческом контексте хроники. Отправной точкой для исторической картины мира, которой мы придерживаемся в этой статье, служит признание самодостаточности Киева в отношении Иерусалима. ПВЛ была написана вскоре после Первого крестового похода, когда всю Европу охватила духовная смута, вызванная завоеванием Иерусалима. В падении Иерусалима видели руку Божию, непосредственно управляющую судьбами человечества. Толкование священных текстов перестало тогда быть абстрактным, тексты начали понимать буквально [Schein, p. 21–25]. Центром мировой истории стал Иерусалим, и именно в Иерусалиме развиваются события одного из самых известных апокалиптических текстов того времени — «Откровения Псевдо-Мефодия».

После крещения Руси слова «русь» и «русская земля» приобрели новое, эсхатологическое, значение — значение правоверного народа, состоящего из новых людей, ожидающих Второго пришествия Христа². Эта эсхатологическая идея легла в основу всей ПВЛ [Ужанков]. Русь — это избранный народ Божий, новый, обратившийся последним и самый любимый Богом народ [Петрухин, 2000, с. 99–101]. В этом отношении осмысление истории русскими по большому счету не отличалось от понимания мировой и национальной истории франками. Русь — это земля подлинного христианства, центр спасения человечества, в котором происходят события последних времен [Данилевский, 1997, с. 192].

Понимание истории в ПВЛ, берущее начало в «Откровении Псевдо-Мефодия», нужно сопоставлять с пониманием истории, отразившимся во множестве хроник, созданных после захвата Иерусалима в 1099 г., в которых Бог все чаще занимает центральное место в истории человечества. Измаильтянская типология ПВЛ не могла функционировать отдельно от других

¹ Автор благодарит магистра Хельсинкского университета Арину Энкель за перевод и комментарии.

² ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 116–120.

исторических событий, но требовала полного принятия концепции истории, предлагаемой «Откровением Псевдо-Мефодия», и особенно типологии Последнего Царя. В настоящей статье показано, каким образом русские князья Святополк Изяславич и Владимир Мономах соотносятся с представлениями о Последнем Царе.

* * *

В Средние века «Откровение Псевдо-Мефодия» являлось, несмотря на свой апокрифический характер, одним из самых известных апокалиптических текстов во всем христианском мире³. Его популярность объясняется тем, что в нем повествуется о катастрофических событиях. Произведения такого рода всегда находили своего читателя, когда опасность угрожала христианам и их империи. «Откровение» оказало серьезное влияние на представления христиан о конце света, и особенно о роли Иерусалима в судьбах человечества. В Западной Европе оно повлияло также на ожидания, которые крестоносцы связывали с освобождением Иерусалима [Gabriele; Schein].

«Откровение» прямо указывает на близость светопреставления, говоря, что конец света настанет в конце седьмого тысячелетия от сотворения мира, когда произойдет нашествие измаильтянских народов⁴. Далее в «Откровении» уточняется, что нападения агарян, за которым следует конец света, надо ждать в юбилейный год⁵. По этой причине круглые даты седьмого тысячелетия вызывали повышенное внимание, так как их считали временем исполнения пророчеств.

«Откровение» отводит центральную роль в битве конца времен с измаильтянами Последнему Царю. Измаильтяне выступают здесь как исполнители Божия наказания и умягчители сердец христиан, чтобы те встретили Второе пришествие Христа со смирением и покаянием. В тексте подробно описываются страдания христиан от рук язычников, но также излагается и утешительное пророчество, согласно которому греческий царь положит конец власти измаильтян. После того как измаильтяне будут побеждены, наступит прекрасное мирное время, соответствующее тысячелетнему миру Апокалипсиса Иоанна Богослова (Откр 20: 1–7). Это мирное время, по «Откровению», закончится другой катастрофой: откроются Северные врата и мир будет поработан нечистыми народами. Однако и они с помощью ангелов будут побеждены. Вслед за этим Последний Царь придет в Иерусалим, взойдет на Голгофу к воздвигнутому на месте распятия Христа кресту и возложит свою корону на крест, воздевая, как сказано в 67-м псалме (стих 32), руки к Богу. Крест с царской короной поднимется в небо, а царь умрет на Голгофе. Так завершится время власти земных правителей, и наступит время владычества антихриста, рожденного из колена Данова. Оно продлится до Второго пришествия Христа и низвержения антихриста в ад⁶.

«Временные лета» ПВЛ и царь Михаил

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что начальные слова заголовка ПВЛ — «повесть временных лет» — ясно указывают на конечность мира [Данилевский, 1995; Данилевский, 1997; Lunt; Гиппиус 2000; Ostrowski, 2003, р. lxi–lxiii; Прохоров, с. 6–7; Franklin, Shepard, р. xviii; Tolochko, р. 266]. Заголовок летописи соотносится с началом книги Деяний Апостолов (Деян 1: 7) в содержащей толкование книг Ветхого Завета Толковой Палее, где Иисус, отвечая на вопрос учеников о грядущем царстве, говорит: «нѣсть вамъ разумѣти

³ Подробнее см.: [Alexander, р. 13; Palmer, р. 107–129].

⁴ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897, С. 93.

⁵ Там же. С. 92–93.

⁶ Там же. С. 93–100.

временныхъ лѣтъ, яже Отець Своєю властью положи»⁷. Таким образом, уже само название — «Повесть временных лет» — отсылает к ожиданию конца света, указывая на конечность времени.

Результаты последних исследований заставляют усомниться в распространенном убеждении, что миллениаризм не был известен восточному христианству. Новые исследования убедительно показывают, что эсхатологические ожидания в Византии достигли апогея к концу первого тысячелетия по западноевропейскому или к 6500 г. по византийскому летоисчислению [Landes; Magdalino]. Дату Рождества Христова в Византии приурочивали к круглой дате — 5500 г. от сотворения мира, и прошло много времени, прежде чем за год рождения Христа был принят 5508 г. от сотворения мира (см.: [Girrius]). В ПВЛ, в «Речи философа» также дается указание на круглую дату 5500 г. как на год рождения Христа: «въ лѣтѣ ѿ . ѿ Посланъ быѣ Гаврилъ . в Назаревѣ . къ дѣцѣ Мрѣи ѿ колѣна Двѣва»⁸.

Хотя уже ранние Отцы Церкви отказались от идеи подсчитать количество отпущенных миру лет, люди не оставляли попыток вычислить год светопреставления вплоть до конца Средневековья. Указание на возможный способ узнать дату конца света видели в 89-м псалме, где говорится, что для Бога тысяча лет как один день. Следующее указание находили в Апокалипсисе Иоанна Богослова, в пророчестве о Тысячелетнем царстве, приходящемся на седьмой день творения мира, в который Создатель почил от дел. Начало Тысячелетнего царства, таким образом, приходилось на начало седьмого тысячелетия — 6000 г. от сотворения мира.

Исходя из того, что библейское повествование не делит седьмой день творения на день и ночь (ср. Быт 2: 1–3), считалось, что он может закончиться в любое время, поэтому конца Тысячелетнего царства ожидали в любой момент между 6000 и 7000 г. (492 и 1492 г.). Точная дата конца света вычислялась византийцами снова и снова, причем эсхатологические ожидания особенно накалялись к концу каждого столетия [Magdolino]. Эти круглые даты, юбилейные года Церкви, отмечались также и в Киевской Руси — освящением новых храмов и перенесением мощей святых [Girrius].

Ожидания, связанные с круглыми датами, нашли отражение и в ПВЛ. В погодных записях незадолго до и сразу после 6600 г. от сотворения мира растет внимание к катастрофическим событиям и признакам приближения конца света. Записи 6599 и 6600 г. содержат множество упоминаний о необычных явлениях: движениях планет, солнечных затмениях, рассказывается даже о падении с неба огромного змея. В них описываются ведьмы, бесы, эпидемии и опустошительные набеги половцев⁹. Нарастание связанных с круглой датой эсхатологических ожиданий, таким образом, бесспорно присутствует и в ПВЛ.

С вычислением даты конца света неразрывно связаны исследуемые в ПВЛ признаки его приближения. Летописец начинает их перечисление с описания в статье 6573 (1065) г. появления огромной кроваво-красной звезды¹⁰. Эту звезду — комету Галлея — можно было наблюдать в 1066 г., и многие другие европейские хроники также содержат упоминания о ней. Вплоть до Нового времени в появлении комет видели проявление гнева Божия и предсказание бедствий¹¹. В том, что подобные явления не предвещают ничего хорошего, убежден и киевский летописец¹². Здесь летописец вспоминает странные события, происходившие на Руси, и связывает их с

⁷ Толковая Палея 1477 года. Воспроизведение синодальной рукописи номер 210. СПб., 1892. С. 70, стб. 139, с. 3–6.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 102.

⁹ Там же. Стб. 214–215.

¹⁰ Там же. Стб. 164.

¹¹ См. «Разные мысли о комете» — исследование, написанное в 1682 г. предвосхитившим эпоху Просвещения философом Пьером Бейлем (*Pierre Bayle. Various Thoughts on the Occasion of a Comet / Translated with notes and an interpretive essay by Robert C. Bartlett. Albany, NY, 2000*).

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 165.

описанными в Хронике Георгия Амартола необъяснимыми явлениями, которые, по мнению летописца, имеют отношение к завоеванию Иерусалима сарацинами, причинившими много вреда христианам¹³. Хроника Георгия Амартола была для составителя ПВЛ основополагающим примером для описания связи народов и религий, а измаильтянский концепт «Откровения Псевдо-Мефодия» был для него центральным.

Поскольку ПВЛ, как характерно для анналов, перечисляет года, в которых содержится подтверждение спасению Руси, каждая упомянутая дата является важной вехой «временных лет». У каждого года в летописи есть внутренне присущая ему важность, ведь летопись — это рассказ о годах, несущих в себе признаки конца времен. Погодные записи основной части летописи начинаются с 6360 г. от сотворения мира: «Въ лѣт . ҃҃ . ҃ . ҃ I [6360 (852)] Индикта . ёі . дѣѣ . наченшо Михаилу црѣствовати нача са прозывать Руска земля . ѡ семь бо увидѣхомъ . яко при семь цри приходиша Русь на Црѣгородъ . якоже пишется в лѣтописаньи Гречьстѣмъ . тѣмже ѡселе почнем . и числа положимъ»¹⁴. Далее летопись перечисляет всех киевских князей, со времени правления в Византии императора Михаила III и до кончины русского князя Святополка Изяславича (1093–1113 г.)¹⁵.

В эсхатологическом контексте летописи имя императора Михаила — ключ к пониманию важности князя Святополка для мировой истории. Поскольку в крещении князь Святополк Изяславич получил имя Михаил, выходит, что правитель, открывающий «временные лета», и правитель, их завершающий, — тезки. Таким образом, ПВЛ уже в основах своей хронологии содержит указание на движение истории Руси от первого Михаила к последнему. А. А. Гиппиус заострял внимание на важности этой тематики для ПВЛ [Гиппиус, 2006, с. 82–83]. Вопрос о том, предшествовали ли ПВЛ другие летописные своды, или нет (см.: [Петрухин, 2000, с. 15, 73]), остается за рамками данной статьи, однако в любом случае ясно, что русский князь Михаил занимал центральное место в истории спасения человечества, основывающейся на типологии «Откровения Псевдо-Мефодия». Этот факт тесно связан с главной темой «Откровения» — темой Последнего Царя.

Эсхатологическое звучание имени Михаил опирается на слова из Книги пророка Даниила (Дан 12: 1) о том, что именно это имя носит великий князь последних времен: «Μιχαήλ ὁ ἄρχων ὁ μέγας». С давних пор славянские народы связывали имя Михаил с образом Последнего Царя, несмотря на то, что «Откровение Псевдо-Мефодия» говорит лишь о некоем безымянном греческом царе. Перевод «Откровения» на славянский язык был выполнен, по-видимому, в Болгарии во время правления хана Бориса (852–889 г.). Самый ранний сохранившийся список перевода датируется XIII в. В крещении хан Борис тоже получил имя Михаил, в честь своего крестного отца — византийского императора Михаила III, того самого, с которого начинает отсчет «временных лет» ПВЛ. В. Тапкова-Займова и А. Милтенова считают, что поторопиться с переводом «Откровения» болгар побудило убеждение, что Борис-Михаил и есть Последний Царь [Таркова-Zaimova, Miltenova, p. 87–98].

Составивший летопись монах, вероятно, знал о предании, связанном с именем Михаил, хотя в качестве имени Последнего Царя оно появляется только в третьей, интерполированной, редакции славянского перевода «Откровения», ранний список которой датируется XV в. (см.: [Веселовский, 1875а; Веселовский, 1875б; Vasiliev; Таркова-Zaimova, Miltenova, p. 88]). В. М. Истрин полагал, что соединение имени Михаил с образом Последнего Царя сохранялось в устной традиции, из которой перешло в третью славянскую редакцию «Откровения» [Истрин, 1897, с. 205–206].

¹³ Там же. Стб. 164–165.

¹⁴ Там же. Стб. 17–18.

¹⁵ Там же. Стб. 18.

В Средневековье был распространен древний обычай распознавать оноματοпоэтическое значение имени, и с большой долей вероятности можно утверждать, что летописец понимал важность имени. Наречение имени русскому князю не было формальностью: имя заключало в себе судьбу своего носителя¹⁶ [Литвина, Успенский, с. 44, 59, 605]. Славянское династическое имя Святополк составляет подходящую пару христианскому имени Михаил, дававшему князю в святые покровители самого Архистратига Небесных Сил бесплотных. Архангел Михаил выразительно представлен в Апокалипсисе Иоанна Богослова (Откр 12: 7–9) и Кумранских рукописях¹⁷, где он выступает как Ангел света, сражающийся с силами зла и князем тьмы [Hannah, p. 64–65]. Почитание архангела Михаила значительно усилилось в X–XI в., когда военные действия все чаще связывались с христианской риторикой [Callahan, p. 182–183, 191–193]. В Европе архангелу Михаилу поклонялись в высокогорных пустынных местах, где присутствуют ангельские атрибуты: небо и ветер [Peers, p. 170–171]. Высокие берега Днепра также хорошо подходили для этой цели. Князем Всеволодом Ярославичем (1078–1093 г.) был основан Михайловский монастырь, а князь Святополк Изяславич построил златокупольную церковь в честь своего небесного покровителя [Щапов, с. 137–139]. Из всего вышесказанного можно заключить, что почитание архангела Михаила было распространено в Киеве XI – начала XII в. Свидетельством этого является также то, что Ипатьевская летопись рассказывает о виденном в Киево-Печерском монастыре в феврале 1111 г. огненном столпе как о явлении архангела Михаила¹⁸.

От Иерусалима к Киеву. Половцы как орудие кары Божией

Итак, ПВЛ нужно рассматривать как универсальную хронику, в которой история Руси соотносится с историей остального известного мира. Летопись рассказывает об обращении Руси от язычества к единобожию и повествует в своей уникальной манере о мировых религиях. Уже в первые века христианства считалось, что Бог отвернулся от иудеев, попустив римлянам сравнять с землей Иерусалим, и что «благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников», как об этом сказано у апостола Павла (Гал 3: 14). «Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал 3: 29). В контексте Нового Завета христиане — это потомки Исаака, сына Авраама от свободной жены Сарры. Таким образом, мысль, что младший сын является наследником отца по благодати, а не по закону, достигает своего наивысшего развития. Эта мысль ярко выражена в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, произнесенном им приблизительно в 1050 г. В этом контексте измаильтяне — это аллегория подзаконных иудеев.

После Первого крестового похода измаильтянский концепт в ПВЛ претерпел значительные изменения, но мысль о наследуемой от Исаака благодати осталась для хроники центральной. В том, как в Киеве понимали роль русского народа в истории, главное место занимала идея, что русские христиане — это «дети обетования по Исааку» (Гал 4: 28), а Русь является центром спасения человечества.

Для принявших ислам арабов Измаил тоже стал важной фигурой (Коран 2: 122–127), что было известно и киевскому летописцу. В статье 6604 г. летописец отмечает, что описанные в Хронике Георгия Амартола природные катаклизмы и сверхъестественные явления предвещали нападение сарацин на Палестину. Летописец знает, кто такие сарацины. Это видно из того, что позднее в той же статье он сообщает, что сарацины называют себя потомками Сарры, хотя

¹⁶ О значении имени в коллективной памяти и образовании аналогии см.: [Gurevich, p. 50; Le Goff, p. 171; Isoaho, 2006, p. 39–40].

¹⁷ Кумранская рукопись 1 QM: Книга войны сынов света с сынами тьмы, 17.6–8а. URL: www.qumran.org/js/qumran/hss/1qm (дата обращения: 19.05.2016).

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 260–273.

на самом деле они потомки Измаила¹⁹. Тот подход к истории, который демонстрирует автор ПВЛ, ставит его в один ряд с составителями мировой истории, которые, как, например, Исидор Севильский, выясняли место потомков Авраама среди других народов²⁰. На Исидора оказали влияние воззрения Иеронима (см.: [Tolan, p. 10, 287]), который, комментируя пророчество Иезекииля, говорит, что измаильтян и агарян теперь называют сарацинами: «*madianaeos, ismaelitas et agarenos — qui nunc saraceni appellantur*»²¹.

Мысль о биче (батог) гнева Божия основана на пророчестве Иезекииля о народах Гога и Магога, которых Бог призвал, чтобы покарать избранный народ (Иез 38–39). «Откровение Псевдо-Мефодия» называет их, наравне с измаильтянами, орудием кары Божией²². Кара Божия — одна из главных тем «Откровения». Через измаильтян Бог хочет умягчить нрав христиан: сделать их из заносчивых, гордых и алчных — кроткими, любвеобильными и смиренными²³.

В том, что ПВЛ считает половцев орудием гнева Божия, заключается парадокс: совсем недавно самих русских, тогда еще язычников, в Константинополе считали наказанием от Бога [Петрухин, 2000, с. 87–101]. Об этом свидетельствуют как проповеди патриарха Фотия²⁴, так и «История» Льва Дьякона²⁵. Сама ПВЛ не обходит молчанием нападения языческой Руси на Константинополь, но пересказывает все упомянутые в Хронике Георгия Амартола сведения о военных походах Руси на Константинополь.

Как известно, византийцы возводили слово «русь» к пророчеству Иезекииля, включенному в Септуагинту. Согласно этому пророчеству, среди языческого войска Гога и Магога будет русский князь по имени Гог (ἄρχοντα ῥώς)²⁶. Вполне вероятно, что, трактуя историю христианской Руси в эсхатологическом ключе, ПВЛ пытается опровергнуть византийские представления о русских как варварах, чей приход предвещает конец света. Следуя этому принципу, ПВЛ переносит образ врага с русских на половцев. К половцам подходит и описание варварского народа в «Откровении Псевдо-Мефодия».

Итак, византийцы видели в русских орудие кары Божией. Мысль о народе-мучителе христианского мира ясно прослеживается также и в ПВЛ, но роль такого народа, в соответствии с «Откровением Псевдо-Мефодия», отдана половцам-измаильтянам. Как известно, мысль о наказании Божиим впервые сформулирована в статье 6575 (1068) г. — через три года после упоминания кометы Галлея, появление которой предвзоветило нападение половцев. В этой статье предлагается такое понимание истории, при котором на ее ход оказывают воздействие грехи людей²⁷. После этого замечания изменяется отношение летописи к войнам и страданиям. Происходит значительное изменение и повествовательного стиля: он становится проповедническим. В русле этой новой повествовательной стратегии вопрос страдания киевских христиан поднимается с помощью разных риторических фигур на новую высоту, вследствие чего

¹⁹ Там же. Стб. 234.

²⁰ Ср.: «Abraham annorum c. genuit Isaac, ex Sara libera. Nam primum ex ancilla Agar genuerat Ismael, a quo Ismaelitarum gens qui postea Agareni, ad ultimum Saraceni sunt dicti» (*Isidorus. Chronica maiora // Corpus Christianorum. 112 / Ed. J. C. Martin. Turnhout. 2003. § 13*).

²¹ *Hieronymus. Commentarii in Ezechielem prophetam // Corpus Christianorum. Series Latina. 75 / Ed. Franciscus Glorie. Turnhout, 1964. § 48.30. Ср.: Isidorus. Etymologiae // W. M. Lindsay (ed.), Isidori Etymologiae sive Origenes. 2 vols. Oxford, 1911. § 9.2.6.*

²² Истрин 1897, Откровение. С. 93.

²³ Там же.

²⁴ *Fotios. Lexicon Vindobonense // Duas Photii homilias et alia opuscula / Ed. A. Nauck. Petropoli, 1867. См.: [Isoaho, 2015].*

²⁵ *The History of Leo the Deacon: Byzantine Military Expansion in the Tenth Century / Introduction, translation and annotations by Alice-Mary Talbot and Denis F. Sullivan. Washington D.C., 2007. § 9.6.*

²⁶ Такое понимание предлагает Лев Дьякон в своей «Истории», где рассказывает об опустошительных походах киевского князя Святослава на Балканы в 968–971 г. (*The History of Leo the Deacon. § 9.6*). См.: [Isoaho, 2009, p. 9–10].

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167.

кардинально меняется вся летописная картина мира. Войны всегда были темой ПВЛ, однако до 6576 (1068) г. летопись лишь кратко упоминала их. Рассказывая о впервые возникших в поле зрения русских людей степных кочевниках — половцах, летопись выражает распространенное убеждение, что Бог испытывает христиан, чтобы вернуть их к истинной вере²⁸.

Связанные с половцами эсхатологические ожидания достигли наивысшего напряжения в 6601 (1093) г., когда на княжение в Киеве сел Святополк-Михаил. Описание причиненных половцами зол особенно эмоционально дается в статье 6601 г. Летописцем найден подходящий контекст для толкования зловещего пророчества Мефодия Патарского, согласно которому христиане претерпят жестокие мучения. В этой статье появляется первое в летописи упоминание измаильтян, связанное с указанием на близость конца света, который летописец описывает как «предание вселенной»²⁹.

Влияние «Откровения Псевдо-Мефодия» на ПВЛ проявляется, в первую очередь, в описании страданий христиан и насмешек измаильтян над христианским Богом. Измаильтяне, согласно «Откровению», будут издеваться над христианами и глумиться над их Богом³⁰. Именно так описывает действия половцев ПВЛ, подробно повествуя о разорении ими Киево-Печерского монастыря в 1096 г.³¹ В «Откровении» подчеркивается, что Бог предал христиан в руки измаильтян не потому, что любит измаильтян, а за грехи и беззакония самих христиан. Текст рассказывает, как жестоко измаильтяне мучают тех, кто соблюдает заповеди Божии. Это все и должно было произойти, чтобы мог прийти антихрист³².

Помимо измаильтян в уничтожении мира участвует также и другой нечистый народ. «Откровение» соединяет образ упомянутых в пророчестве Иезекииля народов Гога и Магога с распространенным преданием о том, как Александр Македонский запер этот нечистый народ за железными воротами в горах на краю мира. В конце времен этот народ должен выйти из заточения. Он будет свободным до того момента, когда архангел Михаил поразит его в Иоппийской долине³³. Летописец, отождествляя половцев с измаильтянами, говорит, что они уже убивают христиан и глумятся над Богом. Помимо этого, он сообщает, что этот другой народ, который примет участие в битве последних времен, уже давал о себе знать на севере, в земле самоедов, где он был заперт Александром Македонским³⁴.

Важную роль, с точки зрения концепта Псевдо-Мефодия, играет статья 6604 (1096) г., потому что в ней летописец объясняет, какое отношение имеют набеги половцев на Русь к «Откровению Псевдо-Мефодия». В этом обширном объяснении приводятся несколько противоречивые сведения, что дало основание А. А. Шахматову предположить, что у этой статьи как минимум два автора [Шахматов, 2003, с. 510]. По мнению исследователя, переход от описания одного из народов апокалипсиса к другому не был логичным, потому что сразу после описания происхождения измаильтян ПВЛ утверждает, что именно эти племена, включая половцев, были заперты Александром Македонским в горах, откуда они выйдут только перед концом света: «и по сихъ . ѿ . колѣнь г Кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении . в горѣ Александромъ . Македоньскымъ нечѣстия члѣвкы»³⁵.

Итак, статья 1096 г. занимает ключевую позицию для прояснения истории создания ПВЛ. А. А. Шахматов обратил внимание на содержащиеся в статье противоречия и сделал

²⁸ Там же. Стб. 167–168.

²⁹ Там же. Стб. 223.

³⁰ Истрин 1897, Откровение. С. 95.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233.

³² Истрин 1897, Откровение. С. 95.

³³ Там же. С. 98–99.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–236.

³⁵ Там же. Стб. 234.

вывод, что второе из приводимых в ней эсхатологических пророчеств (описание нечистого народа, включенное в рассказ новгородца Гюряты) было добавлено позднее и вошло в редакцию хроники, созданную в 1118 г. [Шахматов, 1916; Шахматов, 1940, с. 25–26, 103]. Основанием для этого предположения послужило утверждение летописца, что он слышал рассказ о нечистом народе от Гюряты четыре года назад: «прежъ сихъ . дъ . лѣтъ»³⁶. В свою очередь, Гюрята слышал его от своего слуги, который бывал на севере, в землях угров и самоедов. Поскольку в Ипатьевской летописи приводятся сведения о путешествии в 1114 г. на Ладогу, во время которого летописец слышал предания и эсхатологические пророчества, относящиеся к землям угров и самоедов³⁷, А. А. Шахматов сделал вывод, что автор статьи 1096 г. должен был быть на Ладоге, где он слышал также и рассказ новгородца Гюряты. После этого прошло четыре года, и он записал эти признаки конца света в 1118 г. Итак, мы увидели, что статья 6604 (1096) г. решающим образом влияет на прояснение истории создания хроники и через это на возникновение предположения о существовании нескольких редакций ПВЛ, выполненных в 1110-е годы.

Как известно, у теории А. А. Шахматова были свои убежденные сторонники, но были и те, кто критиковал эту теорию еще при жизни ученого. Критика частично направлена на то, что связь рассказа Гюряты с посещением Ладоги является только гипотезой, потому что в Киеве всегда было много новгородцев и вполне вероятно, что рассказ Гюряты мог иметь место и до 1114 г. [Истрин, 1922, с. 225–226; Данилевский, 2010, с. 7–16]. С другой стороны, можно также усомниться в том, что длинное повествование, связанное с Псевдо-Мефодием, имеет нескольких авторов. Любой писатель, не исключая и летописца, может допустить неточности, реконструируя сложный исторический фон. В рассматриваемом отрывке летописи главная для нас мысль, тем не менее, ясна: оба народа, как измаильтяне, так и народ, запертый Александром Македонским в горах, в конце времен уничтожат мир.

Взяв за основу понимание истории Псевдо-Мефодием, летописец включил летопись в более широкий исторический контекст, что не могло не отразиться и на описании других событий и лиц. Поскольку сражение с измаильтянами произошло в Киеве, а не в Иерусалиме, победивший измаильтян Последний Царь «Откровения» должен был, согласно прообразовательной параллели, воплотиться в киевском князе. В свое время «Откровение Псевдо-Мефодия» вселяло надежду в сердца христиан, притесняемых арабами, утверждая, что после всех страданий воцарится царь-христианин, который остановит победоносное шествие измаильтян. После поражения измаильтян начнется, согласно «Откровению», последний прекрасный мирный период, который завершится нападением нечистого народа, приходом антихриста и смертью царя.

Главную роль в победе над нечистым народом «Откровение» отводит архангелу Михаилу, и ПВЛ, вслед за ним, называет архангела победителем половцев. Кульминационной точки повествование достигает в описании явления ангела в виде огненного столпа в Киево-Печерском монастыре в феврале 1111 г. Летописец истолковывает это явление как предзнаменование великой победы над «иноплеменниками», которая произошла в следующем году: «се же бѣше не шгненъи столпъ . но видъ анѣлескъ . анѣль бо сице явлаетса . шво столпомъ шгненымъ . шво же пламенеѣмъ»³⁸.

Рассуждение об облике ангельском, заимствованное из трудов Саламского епископа Епифания, в Лаврентьевской летописи прерывается на середине, а в Ипатьевской летописи продолжается утверждением, что без Божией помощи русские войска бессильны, но, благодаря усердной молитве и заступничеству Божией Матери, Господь послал на помощь русскому войску ангела. Таким образом, летописец знал о необыкновенной важности роли святого покровителя князя в битвах, которые вели русские³⁹.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277–279.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 284.

³⁹ Там же. Стб. 264.

Появление в конце ПВЛ архангела Михаила — кульминация повествования, потому что благодаря его содействию Русь ждёт великие победы. По словам летописца, во время победоносной битвы киевского князя Владимира Мономаха (1113–1125 г.) невидимый ангел поразил врагов и привел их в ужас. Летописец констатирует: «англы бо глѡ наша поборники . на противныя силы воуюющимъ . имъже есть архангль Михаилъ»⁴⁰.

Итак, мы увидели, как летописец развивает мысль, что русь — это новый избранный народ Божий. Цитируя Епифания, летописец рассказывает, как Бог дал каждому народу своего ангела. Ангелом избранного народа израильского был Архистратиг Небесных Сил, сам архангел Михаил. Теперь архангел Михаил предводительствует новым Израилем — Русью. Летописец убежден, что архангел является покровителем не только иудеев, но, по обетованию, данному Аврааму, через потомков Исаака, он покровительствует новому русскому народу: «кто есть Михаилъ развѣ айбгла прѣданаго людемъ»⁴¹.

Согласно «Откровению», великий мир должен наступить после победы над измаильтянами, и в этой связи совсем не удивительно, что тон летописи становится радостным и приподнятым. В ПВЛ обширное размышление о роли ангелов в победах русских достигает апогея, когда русские возвращаются домой с победой и большой славой⁴². То, как летопись восхваляет победу русских, полностью соответствует тому воодушевлению, которое принесет окончательная победа Последнего Царя над измаильтянами.

Ярко выраженная измаильтянская тематика требует представления русского князя в роли Последнего Царя. В своем недавнем исследовании Д. М. Котышев отрицает саму возможность подобного толкования, сдержанно замечая, что киевских князей никогда не пытались представить преемниками византийских императоров, в отличие от московских князей с конца XV в. Таким образом, по его мнению, в летописи не может быть ничего, связанного с тематикой Последнего Царя [Котышев]. В. Я. Петрухин, произведший, возможно, самое глубокое исследование связи летописи с христианской и иудейской литературой, ограничивается осторожным замечанием, что тематика Последнего Царя имела, вероятно, влияние на общий характер повествования ПВЛ [Петрухин, 2000, с. 98–99].

Согласно типологии «Откровения», последняя битва всех времен состоится между измаильтянами и войском Последнего Царя. Поскольку в роли измаильтян выступают половцы, противостоять им должен русский Последний Царь. Иначе типология не будет работать. Совершенно очевидно, что имя князя Святополка-Михаила вызывало подобные аллегории. Можно даже сказать, что вся типология строится вокруг имени князя. Необходимо заметить, что летописец, говоря о смерти князя, называет его по имени, данном в крещении, — Михаил: «престависа благовѣрнии князь Михаилъ зовемии Стополкъ»⁴³. Это указывает на то, что христианское имя князя Святополка имело огромное значение с точки зрения общей картины истории ПВЛ. История Руси началась с царя Михаила, а на момент написания хроники русский князь Михаил только что умер. Этому повороту событий придавалось большое космологическое значение. А. П. Толочко обратил внимание, что мышление автора ПВЛ склонно к выстраиванию исторических симметрий [Толочко, с. 59–68]. Закольцевав движение русской истории от Михаила до Михаила, летописец тем самым стремился ее систематизировать и гармонизировать.

Для исследования эсхатологического аспекта ПВЛ характерно то, что он освещается обычно только с точки зрения Византии (см., например: [Карпов, 2014, с. 239–251]). За исключением

⁴⁰ Там же. Стб. 269.

⁴¹ Там же. Стб. 273.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Стб. 275.

А. В. Назаренко [Назаренко], исследователи преуменьшают роль Киевской Руси в крестовых походах. Так, И. Мороз утверждает, что русские только восприняли идею священной войны, но сами не претворяли ее в жизнь [Мороз, р. 51–52]. По ее мнению, описываемые в ПВЛ события 1111 г. не являются священной войной, потому что эта война носит в своей основе светский характер [Мороз, р. 45–67], так как русские сражались для того, чтобы защитить свои земли. Нужно, однако, помнить, что целью крестовых походов была также защита — защита живущих на Святой Земле христиан от нападений мусульман. Конечно, кампания, развернутая Папой Римским, была щедро приправлена религиозной риторикой, однако концепт крестового похода никогда не был черно-белым, хотя необходимо подчеркнуть, что религиозная идея освобождения Гроба Господня всегда занимала важное место.

Заслуживает особого внимания неоднократно повторяемая ПВЛ мысль, что Бог вложил в сердца русских князей желание воевать с половцами⁴⁴. Также и мысль Владимира Мономаха идти походом на половцев была дана ему ангелом⁴⁵. Все это позволяет увидеть в военных походах русских на половцев нечто большее, чем просто оборонительная война. Ангел, влагающий в сердце мысль, — посланник Бога, и речь в этом случае идет о Божественном плане. Этот же прием был использован позднее, в частности, в Ипатьевской летописи в описании Третьего крестового похода, где говорится, что в 6698 (1190) г. ангел велел Фридриху Барбароссе идти воевать за Гроб Господень: «В то же лѣто иде цсръ Немѣцкыи со всею своею землею битиса за гробъ Гснь проявилъ бо башеть емоу Гсѣ анѣлмъ вела емоу ити»⁴⁶. Для автора ПВЛ Киев — это новый Иерусалим [Ричка; Петрухин, 2000, с. 28], и естественным образом защита Киева объединяла русских со сражавшимися за Иерусалим крестоносцами.

Источником идей времен крестовых походов для Руси была не только Византия. На Руси уже со времени князя Святослава Игоревича греков считали ненадежными и лживыми, что отражено в записи 6479 (971) г.: «се же рѣша Гръци лъстаче подъ Русью. [сут бо Греци лстивы и до сего дни]»⁴⁷. Как явствует из статьи, составитель хроники хотел подчеркнуть, что греки всегда были лжецами и являются ими по сей день. Во время Первого крестового похода, и особенно после него, это мнение укрепилось. Причиной тому послужила ситуация, с которой франки столкнулись в Византии, а именно наличествующее противоречие между церковно-дипломатической «оппортунистической» риторикой и текущими задачами внутренней христианской миссии [Harris]. Мы убедились, что во время составления ПВЛ Киев находился под влиянием западных идей крестовых походов.

Кончина князя Святополка-Михаила и гонения на евреев в Киеве

У средневековых анналов не предполагалось окончания: запись событий должна была продолжаться из года в год, пока стоит мир. Такой характер средневекового летописного повествования еще более затрудняет определение конечной даты ПВЛ.

Соотнося события своего времени с их прообразом в «Откровении Псевдо-Мефодия», составитель ПВЛ приходит к выводу, что предваряющий конец света великий мир уже начался. Это дает основание подробнее рассмотреть описанные в конце ПВЛ события, связанные со смертью князя Святополка и последовавшими за ней изменениями настроений в Киеве. Согласно пророчеству «Откровения», эпоха великого мира должна закончиться смертью царя, приходом антихриста и последним ужасным событием, когда войска антихриста уничтожат мир⁴⁸.

Составитель ПВЛ, убежденный в прообразовательном значении «Откровения», видит в событиях своего времени — смерти в 6621 (1113) г. киевского князя Святополка-Михаила,

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276–277; Т. 2. Стб. 264.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264, 268.

⁴⁶ Там же. Стб. 667.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70.

⁴⁸ Истрин 1897, Откровение. С. 99–100.

последовавшей после возвещавшего беды солнечного затмения⁴⁹, — явные признаки прихода антихриста. После смерти князя Киев захлестнула волна анархии, хаоса, насилия и бесчинств. В летописи рассказывается, как беспорядки в Киеве связаны с гонениями на евреев⁵⁰. Что тогда произошло на самом деле?

Первое время после кончины Святополка никто из его родственников не стремился занять киевский престол, и Киев остался без защиты княжеской дружины. Владимир Мономах, двоюродный брат Святополка и самый вероятный его преемник, по какой-то причине не заявил о своих правах на княжение, и беспорядки в Киеве продолжались. Летопись объясняет это тем, что Владимир Мономах очень скорбел о кончине брата⁵¹. В советской историографии беспорядки, последовавшие за смертью князя Святополка, традиционно описываются в свете классовой борьбы, как народное восстание против правящей элиты. На этом фоне прекративший беспорядки Владимир Мономах предстает народным героем, смягчившим с помощью реформ положение народа [Греков, с. 496–498; Тихомиров, с. 130–148; Мавродин, с. 40–44; Лихачев, с. 544–545]. Так и историки досоветского времени видели во Владимире Мономахе реформатора и безупречного правителя, своего рода идеал русского царя [Петрухин, 2013].

Принимая во внимание значимость эсхатологической идеи для летописи, мы считаем небезосновательным поиск другого объяснения киевских беспорядков 1113 г., причем в один ряд с экономическими причинами должны стать культурные. Первый крестовый поход и укорененное в Священной истории представление о евреях как причине страданий Христа спровоцировали распространение во всей Европе антисемитских настроений (см.: [Gerves, Powell; Kruger; Vale; Frassetto], особенно: [Gabriele]), и нет причины считать, что Киев был исключением [Карпов, 2002, с. 11–13; Карпов, 2014, с. 249]. Так, Феодосий Печерский напоминает в своих наставлениях, что живущие в Киеве евреи — враги Бога. Киевский митрополит Иоанн II (1076/1077–1089 г.), в свою очередь, запрещал пастве продавать детей в рабство евреям⁵².

Исследователи не могут дать исчерпывающего объяснения усилившимся антисемитским настроениям времени Первого крестового похода, но в одном они единодушны: «Откровение Псевдо-Мефодия» определенно сыграло роль в подогревании антипатии к евреям. Направлявшиеся в Святую Землю крестоносцы во главе с графом д'Эмико напали в 1096 г. на еврейские общины, жившие в долине Рейна. М. Габриэль подчеркивает, что на действия крестоносцев оказало большое влияние «Откровение Псевдо-Мефодия» [Gabriele]. В Европе ненависть крестоносцев к евреям вынуждала последних пользоваться за плату защитой власти [Langmuir, p. 301–304]. Возможно, что после кончины князя Святополка киевские евреи потеряли защиту и стали жертвами бесчинствующих толп.

Для евреев особую опасность представляло пророчество «Откровения Псевдо-Мефодия», что антихрист будет евреем из колена Данова⁵³. В свете прообразовательного значения «Откровения» смерть Святополка-Михаила ознаменовала начало власти антихриста. Есть основания полагать, что монах — составитель летописи был одним из многих, не только в Киеве, но и во всей Западной Европе, изучавших признаки конца света. Итак, гонения на евреев в 1113 г. являются доказательством того, что понимание мировой истории киевлянами соответствовало эсхатологическим ожиданиям, владевшим в то время всей Европой.

Как свидетельствует открывающий погодичные записи летописи перечень киевских князей, ко времени написания летописи князь Святополк-Михаил уже умер⁵⁴. Составитель

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274.

⁵⁰ Там же. Стб. 275.

⁵¹ Там же.

⁵² Иоанна митрополита Роуского, нареченаго Пророком Христа, написавшего правило церковное от святых книг вкратце. Иякову черноризцю // Русскія Достопамятности. М., 1815. С. 96–97. Об истории гонений на евреев в Киевской Руси см.: [Петрухин, 2010].

⁵³ Истрин 1897, Откровение. С. 209.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 18.

летописи, писавший ее во время правления Владимира Мономаха, был вынужден признать, что прихода антихриста еще не случилось и что конец света еще не наступил. В этом отношении для летописца очень актуальны отраженные в заглавии ПВЛ слова Христа о том, что человеку невозможно знать сроков конца света. Конец света хотя и не пришел со смертью Святополка, но ожидался в скором времени.

Как летописец вышел из того затруднительного положения, что ожидаемого светопреставления не случилось, хотя Святополк, благодаря своему имени и победам над измаильтянами, так подходил на роль Последнего Царя? Ответ прост. Летописец передал эту роль следующему князю — Владимиру Мономаху. Несмотря на то что имя Владимир не соответствовало имени Последнего Царя, греческое происхождение делало Владимира возможным кандидатом на эту роль. Летопись в статье 6561 (1053) г. говорит о рождении Владимира от союза тогдашнего Киевского князя Всеволода Ярославича и дочери греческого царя «w цѣрцѣ Грькынѣ»⁵⁵. Этот факт стал решающим в представлении Владимира как Последнего Царя, так как в «Откровении Псевдо-Мефодия» подчеркивалось, что он должен быть греком и вести свой род от матери Александра Македонского, которая была дочерью эфиопского царя. Согласно «Откровению», после смерти отца Александра — македонского царя Филиппа — мать Александра была выдана за византийского правителя Визу, и от их дочери Византии пошли византийские цари⁵⁶. Эта кровная связь с матерью Александра Македонского проливает свет на эсхатологическую роль Византии, отраженную в 67-м псалме, где говорится, как Эфиопия (Куш) спешит «простереть руки свои к Богу» (Пс 67: 32). «Откровение» подробно объясняет связь эфиопской и греческой власти. Пророчество, содержащееся в псалме, исполнится, когда происходящий из Эфиопии греческий царь на Голгофе возложит корону на крест, возведет руки к небу и умрет⁵⁷.

Итак, эсхатологические страхи владели Киевом в 1113 г., когда смерть Святополка вызвала невиданные ранее беспорядки. Поскольку после смерти Святополка-Михаила конец света еще не наступил, появились новые предположения относительно Последнего Царя. Когда Владимир Мономах занял киевский престол, параллель с «Откровением Псевдо-Мефодия» сохранилась благодаря греческому происхождению Владимира. Повествование киевской летописи содержит след эсхатологических верований ее составителя и его убежденности в том, что пророчества «Откровения» исполняются на его глазах в Киеве.

Заключение

В этой статье показано, как самая ранняя сохранившаяся киевская летопись «Повесть временных лет» устанавливает, подобно другим средневековым хроникам, прообразовательные связи с текстом «Откровения Псевдо-Мефодия». ПВЛ видит в воевавших с Киевом половцах измаильтян, и в этой статье показаны наиболее общие примеры влияния этой прообразовательной связи на содержание летописи. Святополк Изяславич, получивший в крещении имя Михаил, предстает царем конца времен, Последним Царем «Откровения». Такая проекция образа Последнего Царя на Святополка вполне объяснима, если учесть, что, помимо прочего, начало его княжения пришлось на рубеж веков, на исполненный дурных предзнаменований 6601 год.

Согласно «Откровению Псевдо-Мефодия», кончина Последнего Царя была явным признаком прихода антихриста и наступления конца света. Когда же конец света после смерти Святополка не наступил, летописец подкорректировал свое видение ситуации и переадресовал роль Последнего Царя преемнику Святополка Владимиру Мономаху, чье греческое происхождение как нельзя лучше соответствовало образу Последнего Царя «временных лет», правящего в изобильное и мирное время.

⁵⁵ Там же. Стб. 160.

⁵⁶ Истрин 1897, Откровение. С. 90.

⁵⁷ Там же. С. 89–92, 99.

Важность образа Последнего Царя говорит о наличии сильного ментального стереотипа. Средневековые стереотипы чаще всего имели в основе имя — *nomem est omen*. Это особенно ярко отразилось в наречении русских князей. Средневековый способ ведения исторических записей подтверждал этот стереотип тем, что люди и события описывались как отражение уже существовавших в прошлом.

Выдвинутая нами гипотеза дополняет картину о сильных эсхатологических воззрениях летописца, в которых русские предстают избранным народом Божиим. Последние погодичные записи летописи красноречиво свидетельствуют о внимательном изучении летописцем признаков конца света. На летописца оказали несомненное влияние религиозные настроения беспокойного периода крестовых походов. В свете этого исследования можно утверждать, что духовная связь Киевской Руси с Западной Европой времен крестовых походов гораздо сильнее, чем считалось ранее.

Текст Псевдо-Мефодия, отражавший умонастроения эпохи, распространялся в Западной Европе главным образом через монахов и младшее духовенство. Необычайная популярность этого текста доказывает, что эти умонастроения имели всеобщий характер. «Откровение» никогда не входило в список канонизированных книг и не было включено в учения высокообразованных теологов [Palmer, p. 128]. Одной из причин популярности этого текста было, вне всякого сомнения, наличие впечатляющих описаний наказания от Бога и раскаяния в грехах. Тема личного раскаяния сильно заявлена и в ПВЛ, и нет оснований сомневаться в том, что на эти темы в Киеве произносились проповеди. Таким образом, можно с большой долей уверенности предположить, что так называемый простой народ в Киеве был очень хорошо осведомлен о темах, развитых в «Откровении Псевдо-Мефодия», и исходя из этого беспорядки в Киеве в 1113 г. вполне могли быть следствием охватившего широкие массы эсхатологического ажиотажа.

Литература

- Веселовский А. Н. Легенда о последнем императоре: опыты по истории развития христианской легенды. I // ЖМНП. 1875. № 178. С. 283–331. [Веселовский, 1875а]
- Веселовский А. Н. Легенда о последнем императоре: опыты по истории развития христианской легенды. II // ЖМНП. 1875. № 179. С. 48–130. [Веселовский, 1875б]
- Гиппиус А. А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 448–460.
- Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию Б. М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
- Данилевский И. Н. Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101–110.
- Данилевский И. Н. Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника 1. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова. Ч. I / Ред. Л. В. Столярова, В. В. Хорихин и О. И. Хоруженко. М., 1997. С. 172–220.
- Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // Ruthenica. 2010. Т. 9. С. 7–16.
- Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.
- Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи (окончание) // Известия II Отделения Российской академии наук. 1922. Т. 22. С. 225–226.
- Карпов А. Ю. Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3–15.
- Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. (Исторические исследования). М., 2014.
- Котышев Д. М. Царь Михаил и Михаил Архангел летописной статьи 6619 г. Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 47–51.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. В. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Лихачев Д. С. Комментарий // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод статьи и комментарии Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перец. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 379–548.
- Мавродин В. В. Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Петрухин В. Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 13–410.
- Петрухин В. Я. Еврей в древнерусских источниках XI–XIII // История еврейского народа в России / Под общ. ред. Исраэля Барталя. Т. I. От древности до раннего нового времени. Jerusalem: Gesharim; М., 2010. С. 214–240.
- Петрухин В. Я. Киевское восстание 1113 года и еврейский погром (в интерпретации В. Н. Татищева) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 3–11.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание как жанр // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 6–17.
- Ричка В. «Київ – другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005.
- Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев, 2015.
- Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1955.
- Ужанков А. Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–163.
- Шахматов А. А. «Повесть временных лет». Пг., 1916. Т. 1.
- Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.
- Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Повесть временных лет и древнерусские летописные своды. Книга 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.
- Ципанов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Alexander P. J. The Byzantine Apocalyptic Tradition. Berkeley CA., 1985.
- Bale A. Feeling Persecuted: Christians, Jews and Images of Violence in the Middle Ages. London, 2010.
- Callahan D. F. The Cult of St. Michael the Archangel and the 'Terrors of the Year 1000' // The Apocalyptic Year 1000: Religious Expectation and Social Change, 950–1050 / Eds. R. Landes, A. Gow & D. C. Van Meter. Oxford, 2003. P. 181–204.
- Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200. London, 1996.
- Frassetto M. (Ed.) Christian Attitudes toward the Jews in the Middle Ages: A Casebook. New York, 2007.
- Gabriele M. Against the Enemies of Christ: The Role of Count Emicho in the Anti-Jewish Violence of the First Crusade // Christian Attitudes toward the Jews in the Middle Ages. A Casebook / Ed. M. Frassetto. New York, 2007. P. 61–82.
- Gerves M., Powell J. M. (Eds.) Social Conflict in the Age of the Crusades. New York, 2001.
- Gippius A. Millennialism and the Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. 2003. № 2. P. 154–171.
- Gurevich A. Medieval Popular Culture: Problems of Belief and Perception. Cambridge, 1990.
- Hannah D. D. Michael and Christ: Michael Traditions and Angel Christology in Early Christianity. Tübingen, 1999.
- Harris J. Byzantium and the Crusades. Hambleton, 2003.
- Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Leiden, 2006.
- Isoaho M. Skyytit Konstantinopolia vastassa: Rusien ja Bysantin suhde Nestorin kronikassa // Mirator. 2009. Vol. 10. № 1. P. 1–29.
- Isoaho M. The Last Emperor in the Primary Chronicle of Kiev // Past and Present in Medieval Chronicles. COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences / Ed. M. Isoaho. 2015. Vol. 17. P. 43–81.
- Kruger S. S. The Spectral Jew: Conversion and Embodiment in Medieval Europe. Medieval Cultures Vol. 40. Minneapolis MI., 2006.
- Landes R. The Fear of an Apocalyptic Year 1000: Augustinian Historiography, Medieval and Modern // Speculum. 2000. Vol. 75. P. 429–439.
- Langmuir G. Toward Definition of Antisemitism. Berkeley, 1990.

- Le Goff J.* Medieval Civilization 400–1500. Oxford, 1988.
- Lunt H. G.* Povest' vremennykh let or Povest' vremen i let? // *Palaeoslavica*. 1997. № 5. P. 317–326.
- Magdalino P.* The Year 1000 in Byzantium // *Byzantium in the Year 1000* / Ed. Paul Magdalino. Leiden, 2003. P. 233–270.
- Moroz I.* The idea of the Holy War in the Orthodox World (On Russian Chronicles from the twelfth century) // *Quaestiones medii aevi novae*. 1999. № 4. P. 45–67.
- Ostrowski D.* Introduction // *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis* / Eds. Donald Ostrowski & David J. Birnbaum. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Cambridge MA., 2003. P. 17–73.
- Palmer J. T.* The Apocalypse in the Early Middle Ages. Cambridge, 2014.
- Peers G.* Subtle Bodies: Representing Angels in Byzantium. Berkeley, 2001.
- Schein S.* Gateway to the Heavenly City. Crusader Jerusalem and the Catholic West (1099–1187). Aldershot, 2005.
- Tapkova-Zaimova V., Miltenova A.* Historical and Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria. Sofia, 2011.
- Tolan J. V.* Saracens: Islam in the Medieval European Imagination. New York, 2002.
- Tolochko O. P.* Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Western Europe (c. 1070–1200)* / Ed. Ildar H. Garipzanov. Medieval Texts and Cultures of Northern Europe. Vol. 26. Turnhout, 2011. P. 205–228.
- Vasiliev A. A.* The Emperor Michael III in Apocryphal Literature // *Byzantina–Metabyzantina*. 1946. № 5. P. 237–248.